

Характер состоит в способности действовать согласно принципам.

Нравственность должна лежать в характере.

Иммануил Кант

На пути к звёздам

Моё первое знакомство со Станиславом Васильевичем Широковым было заочным. В середине 70-х годов 20-го столетия раз в две недели по четвергам после 16 часов, отложив работу над школьными уроками, я, затаив дыхание, слушал по первому Общесоюзному радиоканалу спокойный, негромкий голос интеллигентного человека, повествующего об удивительных небесных явлениях и новых открытиях в астрономии. Часто в гостях у ведущего был кто-то из известных учёных или космонавтов. Став кружковцем Московского планетария, я был горд тем, что вот так запросто знаком с человеком, которого слушает вся страна.

Однажды, уже в наши дни, по прошествии 15 лет с момента закрытия Планетария на реконструкцию, я познакомил одного моего приятеля со Станиславом Васильевичем, представив его как патриарха и выдающегося лектора Московского планетария. Мой приятель тоже посещал планетарий в детстве и в молодом возрасте как обыкновенный слушатель лекций. Через некоторое время после начала общения, он неожиданно воскликнул, что вспомнил своего нового собеседника. Нет, не внешне. «Я вспомнил Вас по голосу...».

Мне тоже уже никогда не забыть этот ровный и уверенный голос лектора, доверительно и уважительно сообщающего слушателю то, о чём он может быть, ещё не знает. Лекции Станислава Васильевича были особыми. Они были методически совершенны, с чувством меры наполнены запоминающимися образными сравнениями, помогающими даже самому неподготовленному обывателю ухватить суть вопроса. Казалось, что лектор, стоящий за пультом управления аппаратом-планетарием, способен донести до понимания очень далёкого от проблем астрономии слушателя научный материал любой сложности. И это было действительно так. Дело научного просвещения, которому С.В. Широков посвятил всю свою жизнь, было поднято им до вершин искусства.

В моём сознании Московский планетарий всегда ассоциировался с личностью Широкова, а самого Станислава Васильевича — хранителя планетарских традиций, я не мог представить вне связи с этим учреждением. Менялись политические режимы в стране, руководство Планетария, правообладатели самого здания, но «звёздный» дом всегда оставался по духу его, Широковским. И казалось, что так было и будет всегда.

Незадолго до своего ухода Станислав Васильевич рассказывал мне о том, как впервые в Московский планетарий на лекцию его привёл отец. Это был 1944 год, и ещё

шла война. В своих воспоминаниях, обнаруженных мной позже в архиве С.В. Широкова, он пишет: «Я уже как-то поднаторел в науке и с радостью отмечал, что ничего по сути нового я в лекции не узнал. Это как перечитать сказку Пушкина — знакомая, желанная музыка. Первое впечатление от звёзд не помню. Помню: Темнота, много темноты, и в большом квадрате света длинноволосый Ньютон в широкой синей рубахе склонил головку, и ещё навязчивая мысль к концу лекции — где они взяли столько отличных картинок?! Вероятно, желание заполучить эти стекляшки и сделало меня через 17 лет лектором Планетария, а память об этом сеансе толкнула к постановке «Ньютонианы», аж через 43 года!»

Узнав, что при Планетарии есть астрономический кружок, 12-летний школьник Станислав навсегда связал свою жизнь со «звёздным» домом. Случилось это уже после войны — в сентябре 1945 года. «Война кончилась. Я записан в астрономический кружок, и сегодня 10 сентября 1945 года я самостоятельно, без родителей иду, именно иду в Планетарий быстро и стремительно. ... В этот день Циолковскому исполнилось бы 88. Начиналась новая жизнь».

Вплоть до закрытия Планетария, в 1994 г., на затяжную и мучительную реконструкцию существовала особая «планетарская» школа астрономических кружков, поддерживаемая усилиями Станислава Васильевича. Кружков было несколько — для разных возрастных групп, где школьники получали астрономическое образование сообразно уровню своей общеобразовательной подготовки. Мне кружки запомнились прежде всего своей демократической обстановкой, свободным, неформальным общением кружковцев между собой и с руководителями. Это было нечто большее, чем место, где дети просто дополнительно чем-то занимались помимо школы. Общение могло продолжаться летом на астрономической площадке. Планетарий для нас, кружковцев, был в полном смысле вторым домом.

По некогда заведённой и сохраняемой С.В. Широковым доброй традиции любой кружковец Планетария по своему особому удостоверению члена астрономического кружка мог в любое время бесплатно подняться в звёздный зал (при наличии свободных мест) и прослушать лекцию. Высшим шиком было придти в Планетарий с каким-нибудь товарищем или родственником, но самому при этом войти без билета.

Впоследствии многие из нас, бывших кружковцев Планетария, став студентами, работали экскурсоводами на астрономической площадке, демонстраторами в обсерватории, вели кружки. У тех, кто посвящал свою жизнь наукам, связанным с исследованиями космоса, появлялась возможность рассказать в звёздном зале слушателям о своих исследованиях. Станислав Васильевич полагал, что если учёный без всяких формул не может объяснить сути своих научных поисков человеку, далёкому от науки, то такой учёный и сам не очень понимает того, чем занимается.

Так под заботливым попечительством С.В. Широкова выстраивалась незримая цепочка преемственности поколений «планетарцев», ключевые звенья которой всегда были в его руках. Он обладал талантом объединить в одном моменте времени — за одним большим столом или в звёздном зале сразу несколько поколений кружковцев. И в этот час мы все — люди разного возраста, разных профессий и обладающие разными достижениями в жизни, чувствовали себя членами одной большой и дружной семьи, в центре и объединяющим началом которой всегда был Станислав Васильевич. Впоследствии, прикоснувшись к его архиву, я был поражён тому, с какой тщательностью им вёлся учёт выпускников кружков по годам, начиная с конца 40-х годов прошлого века. И он внимательно следил за тем, как в дальнейшем складывалась судьба бывших кружковцев.

Станислав Васильевич неожиданно позвонил мне, когда я учился на старших курсах института. Просто, как будто мы расстались только вчера. Он предложил мне сотрудничество с Планетарием в роли внештатного лектора, сказав при этом что-то

вроде: «Давай попробуем ...». Прозвучало и как дружеская просьба и как доверительное предложение, подразумевающее исключение варианта отказа с моей стороны.

Через какое-то время Станислав Васильевич стал первым и на тот момент единственным слушателем моей лекции по космонавтике. И такого внимательного слушателя у меня больше никогда не было. Его всего лишь несколько очень точных критических, но и одновременно высказанных исключительно в благожелательной форме замечаний, побудили меня кардинально пересмотреть свой подход к раскрытию темы в лучшую сторону, помогли добавить в содержание ярких красок и образности. И этот урок запомнился мне на всю жизнь.

В советские времена Московский планетарий был встроено с систему Всесоюзного общества «Знание». Просвещение населения (часто помимо воли самого населения) было поставлено «на поток». Мне приходилось «мотаться» по всей Москве и по разным организациям с направлением от Планетария на выступление с лекцией, всякий раз надеясь на то, что слушатели не будут ассоциировать меня с образом известного лектора из кинофильма «Карнавальная ночь» в исполнении любимого народом актёра С. Филиппова, с его сакраментальным: «Если ли жизнь на Марсе?...».

Вот так, с «лёгкой руки» С.В. Широкова, я приобрёл свой первый опыт во взрослой жизни по зарабатыванию денег за счёт собственного интеллекта, хотя по условиям каждая 4-я лекция читалась бесплатно в пользу Общества «Знание». Помимо этого я хорошо изучил Москву. И каждый раз меня встречала новая, заранее неизвестная по своей подготовленности и настрою, аудитория и моей первой задачей было быстрое нахождение с ней контакта и пробуждение у слушателей интереса. Полученные навыки в значительной мере помогли мне в моей дальнейшей научной, преподавательской и общественной деятельности. И я до сих пор благодарен за это Станиславу Васильевичу Широкову.

Станислав Васильевич был не только сам интересным рассказчиком, но и внимательным слушателем. Он *любил* людей, которые *любят* астрономию и всё, что с ней связано. Уважительное отношение к мнению собеседника удивительным образом сочеталось в нём с твёрдостью в следовании своим нравственным принципам и убеждениям, скреплённым личным жизненным и профессиональным опытом. Мне представляется, что С.В. Широков, в своих поступках, следовал всеобщему императиву И.Канта, выведенному в философском труде последнего — «Основы метафизики нравственности»: «Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы».

О том, что Станислав Васильевич по образованию философ, я выяснил уже в зрелом возрасте. Поэтому я избегал в общении с ним рассуждений на философские темы, чувствуя свою ущербность в этой области знаний. Но из личного общения я доподлинно знаю, что из всех философов наиболее высоко Станислав Васильевич ставил Иммануила Канта. Почему? Быть может, за его философское осмысление проблем естественных наук, включая разработку космогонической гипотезы происхождения Солнечной системы. Или за прорывы в разработке общефилософских вопросов познания мира, человека, морали и нравственности? Думаю, что, скорее всего, по совокупности достижений философской мысли И. Канта.

Обучаясь на юриста для получения второго высшего образования, мне пришлось обращаться к трудам великого философа, в которых он излагал свои взгляды на государство и право. И я был поражён тем, насколько актуальны и современны воззрения Канта в этой сфере.

Теперь я с неизбежностью прихожу к выводу о том, что для лучшего понимания того, каким человеком был С.В. Широков, надо внимательно изучить труды философа Канта.

В начале 2010 года, узнав от меня о том, что по 31-м числам месяцев я прихожу на Триумфальную площадь Москвы для участия в незаконно запрещаемом всякий раз Московской властью митинге в защиту 31-й статьи Российской Конституции*, Станислав Васильевич вдруг сказал: «А знаешь, я вот тоже всё собираюсь туда пойти... Весной обязательно приду! 31 марта идём вместе!». В непреклонной твёрдости, с которой это прозвучало, был весь С.В. Широков.

Он был многогранен в своих увлечениях: пейзажная фотосъёмка, поэзия, музыка, история, туризм,... — всё это его стихии. Но больше всего Станислав Васильевич любил звёзды. Иногда мне кажется, что в конце марта 2010 года он просто ушёл к ним...

*Выпускник Астрономических кружков
Московского планетария 1978 года,
Председатель юношеской секции
МО ВАГО, внештатный лектор МП*
Горинов Алексей Александрович